# От-чего горожане едут в деревню: феноменология и практика[1]

О.Я. Виноградская

*Ольга Яковлевна Виноградская*, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

Статья посвящена анализу феномена, который делает возможным такое явление, как переезд горожан на постоянное местожительство в деревню. Нестандартная грамматическая форма вопроса, вынесенного в заголовок статьи, означает двойной контекст слова «от-чего»: в одном случае — это местоимение с предлогом («от чего»), указывающее на какой-то феномен; в другом — вопросительное местоименное наречие («отчего»), синонимичное наречию «почему», вопрошающее о причине такого явления, как переезд в деревню. Масштабы и стремительность развития человеческой цивилизации в течение последних десятилетий изменили прежнюю функциональность места повседневного проживания людей, что подвигает современных исследователей к пересмотру своих прежних подходов к поиску причин миграции домохозяйств из города в сельскую местность. Однако в современной социологической научной литературе, как российской, так и зарубежной, теме переезда горожан на постоянное местожительство в сельскую местность уделяется мало внимания, в отличие от изучения обратного процесса — миграции сельских жителей в город. В статье на основе анализа текстов социологических интервью предпринимается попытка приблизиться к видению того, *что* делает выбор горожанами нового места своей жизнедеятельности возможным и необходимым в формате сельской повседневности. Подчеркивается, что феномен, который показывает себя, казалось бы, таким рядовым и рациональным явлением, как переезд горожан на постоянное местожительство в деревню, важен прежде всего для понимания эволюции жизненных практик как сельской, так и городской подсистем общества.

*Ключевые слова:* горожане, деревня, бывшие горожане, сельские жители, миграция, повседневные жизненные практики, сельский мир, феномен, явление

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-140-155

На вынесенный в заголовок статьи вопрос у опрошенных нами респондентов, бывших горожан, переехавших на постоянное местожительство в деревню, как правило, уже наличествует ответ, состоящий из усредненного «набора» претензий к городской повседневности: плохая экология, транспортные пробки, шум, суе-

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-50018 а(ф).

та, дороговизна, стресс и т. п. Соответственно, в сельской повседневности эти респонденты надеялись найти все то, чего им не хватало в городе: близость к природе, свободу передвижения, тишину, спокойствие, свежие, экологически чистые продукты питания и т. п.

Однако на практике бывшие горожане «открыли» для себя много *неожиданного*: с одной стороны, в полной мере превзошедших их благостные ожидания, а с другой — *трудного*, не просто, в физическом смысле этого слова, хотя это, безусловно, присутствует, но еще чего-то, что, по их словам, возможно, связано с их неготовностью к эмоциональным и морально-этическим нагрузкам, сопутствующим деревенскому образу жизни. Но, несмотря на все эти трудности, бывшие горожане, опрошенные нами, среди которых есть и вновь прибывшие, и те, кто живет в сельской местности не один десяток лет, пока не собираются возвращаться.

В современной социологической научной литературе, как российской, так и зарубежной, теме переезда горожан на постоянное местожительство в сельскую местность уделяется мало внимания, в отличие от изучения обратного процесса — миграции сельских жителей в город.

Одной из причин игнорирования данной темы является относительная редкость этого явления, которое, по данным исследовательской группы ЦИРКОН[2], ограничено пределом статистической погрешности — 3% жителей российских городов готовы переехать в деревню. Хотя 17% горожан из числа участников опроса, проведенного этой группой, в принципе рассматривают такую возможность, но лишь в отдаленной перспективе (Потенциал, 2015: 54). По мнению авторов, результаты этого опроса показали, что «только небольшая часть горожан, не исключающая для себя возможность переселения в сельскую местность, готова к дальним переездам; для большинства же это скорее “дачный” вариант. Следовательно, может быть сделан вывод, что потенциал миграции “город — село” с целью освоения пустующих земель или развития сельскохозяйственного производства на сегодняшний день намного меньше, чем собственно уровень готовности к переезду в сель-

2. Группа ЦИРКОМ в итоговом аналитическом отчете по результатам исследования 2015 года выделяет «группу горожан, которые *в принципе* в той или иной степени рассматривают для себя возможность переселения в сельскую местность или уже даже готовятся к нему. В совокупности объем этой группы составляет около 20% горожан. Однако это, что называется, “оценка сверху”. Если же оценивать уровень готовности городского населения к миграции в село более реалистично, то на сегодняшний день его можно оценить примерно в 3% городского населения страны: это те, кто сообщил в ходе опроса, что уже принял решение и готовится к переезду, и те, кто находится в поиске вариантов переезда» (Потенциал, 2015: 54-55).

скую местность» (Там же: 69). Этот вывод больше говорит о цели самого исследования, чем о намерениях респондентов. Почему вообще горожане должны задумываться о необходимости освоения пустующих земель или развития сельскохозяйственного производства? К тому же последнее сегодня в значительной степени сосредоточено в агрохолдингах, которым не нужно большое количество работников и сельских поселений, для их проживания. Такие холдинги не только обеспечивают доставку своих работников к месту производству из относительно удаленных районов, но в случае необходимости самостоятельно обустраивают жилые поселки для них.

Впрочем, переезд горожан на постоянное местожительство в сельскую местность как явление прослеживается на протяжении многих десятилетий и никуда не исчезает, а скорее меняет форму своего проявления, статистическая редкость которого не может быть поводом к пренебрежению этим явлением как несущественной величиной и отказу от его изучения. Даже по результатам формальных опросов село как местожительство привлекательно для пятой части горожан, что дает основание полагать, что *на основе* этого явления *кажет* себя некий *феномен*[3], присутствие которого показывает свою функциональную необходимость в формате обыденных структур городской и сельской повседневностей. А «неуловимость» данного явления для массовых опросов лишь подчеркивает причастность феномена, показывающего себя на его основе, к глубинным процессам, возможно, ответственным за раскрытие эволюционных возможностей жизненных практик горожан в разные исторические периоды. Вместе с тем зафиксированная во множестве научных публикаций, посвященных поиску причин миграции сельских жителей в города, формальная интерпретационная избыточность позволяет «забалтывать» сущностные аспекты как этого процесса, так и обратного.

Для большинства исследователей еще относительно недавно миграции из сельской местности в города воспринимались как само собой разумеющиеся явления, не противоречащие моделям урба-

3. В рамках данной статьи мы будем придерживаться трактовок, которые терминам «феномен» и «явление» дает М. Хайдеггер в своем труде «Бытие и время». Он считает, что «Греческое выражение φαινόμενον, к которому восходит термин “феномен”, производно от глагола φαίνεσθαι, который означает: казать себя; φαινόμενον означает поэтому: то, что показывает себя, самокажущее, очевидное» (Хайдеггер, 2011: 28). В то же время он подчеркивает, что «Хотя “явление” никогда не есть казание себя в смысле феномена, все же оно возможно лишь *на основе* какого-то *казания себя*. Но это казание себя, делающее и явление тоже возможным, само не есть явление. Явление есть *давание знать* о себе через нечто, что себя кажет... Феномены поэтому *никогда* не явления, но, конечно, никакому явлению не обойтись без феноменов» (Там же: 29-30).

нистического будущего человеческой цивилизации, описывающим мир, состоящий из эффективных мегаполисов, в которых возможно решить все проблемы, связанные с уровнем жизни людей, энергетикой и изменением климата (Moody, 2010).

Тем не менее в зарубежных научных публикациях последнего времени появляется все больше работ, посвященных изучению противоположного «самой большой миграции в истории человечества»[4] (Blasiak, 2012) процесса, когда жители густонаселенных городов все чаще предпочитают переехать на новое местожительство в сельскую местность, чем продолжать жить «в пропитанных неоном бетонных джунглях» (Baseel, 2018). Это особенно характерно для развитых европейских стран и высоко урбанизированных азиатских регионов.

Так, например, по результатам одного из последних опросов Ministry of Land, Infrastructure and Transport Японии, в котором было опрошено 5000 городских жителей, 23% респондентов в возрастной группе от 20 до 29 лет ответили положительно на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы правительство приложило больше усилий к программам, помогающим городским жителям Японии переехать в сельскую местность?» Причем этот результат на 5% превышал подобные показатели по другим возрастным группам. А среди молодых людей этой возрастной группы, живущих в трех крупнейших мегаполисах Японии (Токио, Осаке и Нагое[5]), положительно ответили на этот вопрос 25% респондентов. И это при том, что в японских мегаполисах уже функционируют офисы организаций, предлагающих советы и помощь горожанам, желающим переехать в менее населенные регионы Японии. Причем со стороны местных муниципалитетов таких регионов также оказывается помощь вновь прибывающим на жительство в виде разного рода компенсаций или предоставления бесплатного жилья (Baseel, 2018). На этом основании автор аналитического обзора приходит к выводу, что, хотя четверть молодых людей в крупнейших городах Японии и думают переехать в деревню, они тем не менее хотят от правительства большей поддержки в отношении программ, облегчающих горожанам как сам переезд, так и адаптацию к новым условиям жизни в сельской местности. Результаты этого опроса можно интерпретировать по-разному: с одной сто-

4. Имеется в виду перемещение людей из сельской местности в города. Автор статьи ссылается на мнение экспертов, которые ожидают, что число людей во всем мире, проживающих в городских районах, вырастет с 3,4 млрд (по данным на 2011 год) до 6,3 млрд к 2050 году, что составит увеличение на 85% (Blasiak, 2012).

5. По данным ООН на 16.01.2018 года, крупнейшим мегаполисом (городской район и пригороды) мира является Токио (Большой Токио) с населением более 38 млн чел. Во втором по численности населения мегаполисе Японии, Осаке, насчитывается больше 20 млн (The 150, 2019). В третьем — Нагоя — более 10 млн (Tokyo, 2018).

роны, четвертая часть молодых жителей мегаполисов уже сегодня *видят* в спокойной, расслабляющей жизни в деревне альтернативу своему настоящему существованию в «неоново-бетонных джунглях»; а с другой — они еще *не готовы* «даром» отказаться от ежедневных культурных и развлекательных возможностей, услужливо предоставляемых им инфраструктурой крупного города, и в случае переезда требуют дополнительных преференций к уже имеющимся. Между тем ни один из этих вариантов интерпретаций не помогает ответить на первый же вопрос, который сразу возникает по результатам опроса: *от-чего* каждый четвертый молодой житель японских мегаполисов думает переехать в деревню? В лучшем случае этот и подобные ему социологические опросы констатируют наличие такого явления, как желание горожан переехать на постоянное местожительство в сельскую местность.

Однако масштабы и стремительность развития человеческой цивилизации в течение последних десятилетий, когда в большинстве регионов мира изменяются не только целые экосистемы, но и прежняя функциональность места повседневного проживания людей, заставляют современных исследователей пересматривать прежние шаблонные подходы к поиску причин миграции домохозяйств из города в сельскую местность. Так, объяснения сущности этого явления посредством разного рода «дачных вариантов», статистических погрешностей, исключений из правил или простого нежелания горожан быть «пресловутыми канарейками в угольной шахте», уже не выглядят достаточно убедительными для специалистов и не могут помочь последним ответить на целый ряд поставленных этим явлением вопросов.

В частности, исследователи предполагают, что причины, по которым домохозяйства покидают города и уезжают в сельскую местность[6], должны быть «более нюансированными и дифференцированными» по сравнению с теми, что ответственны за «традиционный» и в настоящее время достаточно хорошо изученный тип миграции из села в город. По их мнению, город представляет собой относительно статичную среду жизнедеятельности, населенную узкопрофильными специалистами, совместная деятельность которых удовлетворяет их основные повседневные потребности и обеспечивает таким образом эффективное функционирование их сообществ. Эта эффективность является ключом к экономическому росту последних, но одновременно делает их чрезвычайно восприимчивыми к изменени-

6. По данным статистики, например, только в Республике Корея (ROK) количество домохозяйств, переехавших из городов в сельскую местность в 2011 году, увеличилось на 158% по сравнению с предыдущим годом (Blasiak, 2012).

ям окружающей среды, а значит, и недостаточно устойчивыми[7] по сравнению с сельскими сообществами. Они проводят параллели с распространением инвазивных и узкоспециализированных видов в дикой природе, например, таких как гигантская панда, рацион питания которой ограничен в основном бамбуком, или пятиигольчатая сосна, произрастающая в канадской провинции Альберта, рассевание семян которой зависит от одного вида птиц — Щелкунчика Кларка (Nucifraga columbiana). Узкая специализация таких видов позволяет им в относительно статичной природной среде создавать эффективные ниши в экосистеме, но зачастую при изменении условий этой среды они проигрывают другим видам, с более разнообразной специализацией. Поэтому, если в экосистеме доминантными оказываются инвазивные или узкоспециализированные виды, она будет неустойчивой и предрасположенной к деградации. При этом, например, гигантская панда не может внезапно принять решение о разнообразии своего рациона питания, и это становится для нее эволюционным приговором. Но люди, в отличие от видов, обитающих в дикой природе, всегда имеют возможность покинуть то или иное сообщество, изменив при этом свои навыки выживания. Так, в частности, переезд горожан на местожительство в сельскую местность, где нет такой жесткой зависимости от узкопрофильных специалистов, потребует от них освоить такие навыки выживания, как взаимодействие с окружающей природой, местной культурой и сложившимися на протяжении многих поколений сельскими сообществами, но вместе с тем расширит и возможности самих этих сообществ по выживанию. Такая логика рассуждений приводит исследователей к следующему выводу: если сельские общины изначально «по своей природе» являются более устойчивыми, чем городские, которые эффективнее первых с чисто экономической точки зрения, то, возможно, «ручейки людей», переезжающих из городов в сельскую местность, манифестируют некий «элемент» универсального человеческого осознания того факта, что устойчивость, а вовсе не эффективность, по-видимому, представляет для сообществ лучшую стратегию выживания в долгосрочной перспективе (Blasiak, 2012).

Как бы то ни было, но увеличение внимания научной общественности к явлению переезда горожан на постоянное местожи-

7. В качестве экстремального примера приводится землетрясение 2010 года в Гаити, после которого более 600 тыс. чел были вынуждены покинуть столицу — Порт-о-Пренс, являющуюся одновременно главным внешнеторговым портом страны, в которой по состоянию на 2009 год насчитывалось около 900 тыс. чел. (вместе с пригородной зоной — почти 2 млн 300 тыс.). В результате этого землетрясения жители Порт-о-Пренса потеряли не только жилища и работу, были разрушены или закрыты продовольственные сети и другие виды услуг.

тельство в сельскую местность в последнее время не приближает нас к видению того, *что* делает это явление возможным.

А что о своем переезде из города в деревню говорят сами респонденты? Почему «соблазнительная» сельская повседневность подвигает на переезд лишь относительно небольшое количество горожан в определенным образом очерченные для них временны́е рамки? Является ли это явление результатом каких-то глубинных процессов, возникающих в эволюции жизненных практик горожан в то или иное время? Если это проявление чего-то глубинного, то каковы его феноменальные характеристики?

В ответах респондентов на вопрос о причинах переезда в деревню иногда звучит осознание готовности к непринужденной жертвенности, растрачиванию себя (*«есть такие альтруисты»*) на «*тяжесть и неблагодарность... крестьянского труда*», на которое может отважиться далеко не каждый горожанин, желающий изменить свое местожительство. Вместе с тем в этих феноменах жертвенности и отваги заключена благодарность за выпавшую, таким образом, возможность осуществления своей деятельности, как возможность *вкладываться* и *развиваться*.

> *«Конечно, человеку из города переехать в деревню очень сложно. Сейчас, конечно, есть такие альтруисты, которые готовы в село переезжать, вкладываться, развиваться. То есть такие фермеры вроде нас с мужем. Мы, когда начали в инстаграме выставлять свою продукцию, то оказалось, что все фермеры по происхождению — люди городские. Все приехали из города. И этому есть несколько причин. Во-первых, это финансовые возможности. Простому сельскому жителю продуктивное хозяйство просто не поднять. Ведь корову надо купить, вырастить, выкормить, а уж потом доить. То есть здесь важна именно финансовая сторона. Плюс — вообще, тяжесть и неблагодарность этого крестьянского труда. Ведь, наверное, мало кто любит животных, чтобы просто смотреть на них, ими любоваться и от них подзаряжаться. Их же, кстати, потом и убить надо. Заколоть. Вроде бы ты их любишь, кормишь, а потом идешь к ним в роли палача. Это ведь тоже большая вредность нашей фермерско-крестьянской профессии. И поэтому далеко не все хотят этим заниматься — это ведь тяжелый физический труд»* (Краснодарский край, Каневской район, 2019).

От чего появляется необходимость в этом феномене жертвенности, потребность в нем, возмещаемая в данном случае свободой выбора респондентами нового места своей жизнедеятельности? Для того чтобы при ответе на этот вопрос не увлечься фактологической стороной дела, постараемся проследить, как эта феноменология очевидно *кажет* себя в ответах респондентов.

Респонденты, бывшие горожане, по-разному отвечают на вопрос о том, *отчего* они решились переехать в деревню. Для од-

них — это воля случая, воспринимаемая как данность («так выпало», «подыскивали домик для дачи», «приехал погостить и понял, что хочу здесь остаться»); для других — вынужденное решение, принятое под давлением жизненных обстоятельств («оставили городскую квартиру детям, а сами решили перебраться в деревню»); третьи вообще делают выбор в пользу переезда, руководствуясь разного рода внутренними убеждениями («уехали ради будущего своих детей, хотим, чтобы они выросли здоровыми, на натуральных продуктах и свежем воздухе»); некоторые переезжают, исходя из вполне рациональных соображений, например, для организации своего бизнеса. Следует отметить, что перечисленные выше группы ответов не исчерпывают всего разнообразия причин переезда горожан на жительство в сельскую местность, причем часть респондентов в процессе выбора, на «месте», меняют свои первоначальные замыслы в зависимости от ситуации. Так, человек при переезде не планировал заниматься бизнесом, но на «месте» обстоятельства благоприятствовали тому, чтобы его начать.

Ниже мы приводим несколько цитат из интервью с респондентами, которые, на наш взгляд, приближают нас к видению того, *что* делает явление выбора ими нового места своей жизнедеятельности возможным и необходимым как в формате городской, так и сельской повседневностей.

> *«...на городской работе я была вполне успешным специалистом. Но там мне было нехорошо. И я приняла решение уехать из Москвы. И вот прошло уже три года, и я совершенно не жалею, что так получилось. При этом я знаю, что я вполне могу вернуться в ту организацию, где работала до переезда сюда, ведь там знают, что я не к конкурентам ушла, а в деревню, в самый низ жизни, казалось бы... Я уехала открывать свое дело, узнавать что-то новое...*
>
> *...сам факт переезда сюда стал самым большим событием для нас. До сих пор мои друзья городские недоумевают: "Как это вы решились на такое? Как вы все это организовали?" То есть само наше появление здесь и есть самое значимое событие в нашей нынешней жизни»* (Краснодарский край, Каневской район, 42 года, 2019).

> *«Я коренная москвичка, выросла и жила в Москве. Потом мы мотались с мужем по командировкам, по всему миру. Когда я уходила на пенсию, и он тоже заканчивал свои дела. И он мне говорит: "...ты лучше меня утопи, но в Москву я не поеду..." Я: "Как так? А пенсия? А все остальное?.." А он мне заявляет: "Давай квартиру продадим и купим что-нибудь, на воле..."*
>
> *Вообще, здесь другая социальная среда. Основная масса людей — труженики. Они внутренне благородные. И много таких*

*здесь! Я любуюсь ими, и они мне нравятся. У них детки растут, к земле приученные. Они знают, где и как что делать. Они здороваться приучены. Ведь в городах это давно уж утеряно.*

*Тут очень важно, что люди друг друга знают. И поэтому неформальные связи есть. Ну меня уже здесь узнают, как свою. И вот приехала в центр, хочу какую-то вещь взять, а денег не хватает. Мне говорят: "Да ладно, берите, потом отдадите..."*

*Но, правда, я за калитку* (имеется в виду калитка экотуристического центра, где расположены домики отдыха и вся его инфраструктура) *редко выхожу... У меня основное общение и жизнь — внутри. Езжу в Каневскую по делам»* (Краснодарский край, Каневской район, 56 лет, 2019).

О статистической погрешности количества переезжающих на постоянное жительство в деревню горожан и причинах этого переезда:

*«...я считаю, что таких людей, как мы, малое количество, — это просто погрешность... Погрешность в типовом образе жизни. Подавляющее множество людей живут перед телевизором, с бутылкой пива и с сосиской из дешевого сетевого магазина. А кто-то — как мы — телевизор не смотрит, круглый день работает и мясо почти не ест. Вот и все...*

*А что до нас, то тут так — наступает момент, когда у каждого обозначается свое время. Когда ты понимаешь — либо сейчас, либо никогда. Время, когда ты осознаешь себя — ты кто? На каком уровне ты себя можешь сгармонизировать?»* (Белгородская область, Яковлевский район, 49 лет, 2019).

*«Я двадцать пять лет проработал в педагогике. И занимался совсем другими вещами, очень далекими от сельского хозяйства. Сам я из города. Родился в слободе, был у нас садик и огородик, только лишь. И у меня совсем другое направление интересов.*

*...я решил, что буду капитально менять свой образ жизни, который был до этого, и свою деятельность. И у меня обязательно будут в будущем занятия сельским трудом... Они уже есть... И они должны быть! У каждого... И я решил — в будущем это все должно быть мое. И мой дом, который я сейчас строю, и моя земля — в частной собственности. И вот мы здесь будем жить, рядом с друзьями...»* (Белгородская область, Яковлевский район, 52 года, 2019).

* * *

Осенью 1933 года в Германии 44-летний немецкий философ Мартин Хайдеггер пишет доклад под названием «Schöpferische Landschaft:

Warum bleiben wir in der Provinz?»[8] (Heidegger, 1983), который впервые в качестве выступления был зачитан им по Берлинскому радио в марте 1934 года, незадолго до его отставки с поста ректора Berliner Universität в апреле того же года (Heidegger, 1983: 246). Это выступление было неоднозначно воспринято в немецком обществе того времени: одни обвиняли его в публичном отречении от Берлина, другие, по словам Р. Сафрански, в «этом докладе часто усматривали лишь приправленный идеологическим соусом романтический идеал любви к родине и крестьянской жизни» (Сафрански, 2005: 374). Однако в этом докладе Хайдеггер на основе *своего собственного* опыта подтверждает важность поднятых им еще в 1927 году в «Бытии и времени» (Хайдеггер, 2011) вопросов, стоящих перед человечеством на его пути в поисках *своего собственного дела*.

Тема «одиночества» является основной в докладе и позволяет автору ответить на вопрос, вынесенный в его заголовок: «Творческий пейзаж: Почему мы остаемся в провинции?», в заочной полемике с городскими жителями: «Городские жители часто недоумевают по поводу моей долгой, однообразной изоляции в горах среди крестьян. Однако это не изоляция, а скорее, *одиночество*. В больших городах человек легко может быть *изолирован*, как *навряд ли* где-либо еще, но он никогда не может быть там одинок. Потому что одиночество имеет подлинную (свою собственную) силу, ту, что не *изолирует* нас, но *возвращает* присутствие к целому, в котором оно достигает близости к существу всех вещей» (Heidegger, 1983: 11).

Эта же тема еще отчетливее звучит в «Бытии и времени»: «...одиночество возвращает присутствие из его падения и показывает ему собственность и несобственность как возможности его бытия. Эти основовозможности присутствия, которое всегда мое[9], кажут себя в ужасе словно на самих себе, незаслоненно внутримирным сущим, за которое присутствие ближайшим образом и обычно цепляется» (Хайдеггер, 2011: 191).

По Хайдеггеру, человек может вернуться к себе, к своему миру, собственным возможностям только через подлинное одиночество. Респонденты, уехавшие из города на новое местожительство в сельской местности, почти через сто лет после представленных выше аналитических рассуждений Хайдеггера, по разным, с их точки зрения, причинам (*«...на городской работе... мне было нехорошо»*, *«...квартиру* (в городе) *продадим и купим что-нибудь, на воле...»*, *«...наступает момент* (о переезде в село), *когда у каждого обозначается свое время»*, *«...я ре-*

8. В русском переводе А.В. Михайлова он имеет название «Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции?» (Хайдеггер, 2008).

9. Из заметок на полях (маргиналий), сделанных М. Хайдеггером: «Не эгоистически, но как брошеное для взятия на себя» (Хайдеггер, 2011: 440).

*шил, что буду капитально менять свой образ жизни, ...свою деятельность. ...у меня обязательно будут... занятия сельским трудом»*), никогда ничего не слышавшие о его феноменологии, говорят в своих интервью о том же самом: об одиночестве, о возвращении в свой мир, свое время, к своей новой деятельности на воле и, открывающихся перед ними возможностями, которые они берут на себя.

Перед бывшими горожанами в сельской местности открывается всегда новый *пейзаж* возможностей, в котором каждый находит, зачастую не сразу, *свое* дело, уже подготовившее для каждого из них в качестве дара настоящее *сокровище*, утаенное до времени повседневностью сельского мира. Подобраться, подкрасться к этому сокровищу, по словам респондентов, можно разными маневрами, но только через подлинное одиночество, которое и показывает им их *собственный* путь к этому сокровищу. Это то самое *одиночество*, которое, по Хайдеггеру, не *изолирует*, а «*возвращает* присутствие к целому, в котором оно достигает близости к существу всех вещей» (Heidegger, 1983: 11). Почти все респонденты отмечали, что за время пребывания в деревне их круг общения, по сравнению с городом, значительно расширился, причем не только за счет online-, но в большей степени,— offline-контактов. (*Люди приходят в нашу жизнь, некоторое время побудут в ней, а потом уходят. И каждый из них идет своим делом заниматься.*) Поэтому такого явления, как скука, здесь, в деревне, в отличие от города, для бывших горожан просто не существует — каждый занимается *своим* делом.

> *«Я знаю, чем все закончится в городе. Здесь все иначе. Мир наш, здешний, сельский — никогда не дает готовых ответов. И ты никогда не знаешь, чем все закончится. И ты действуешь — либо вот так, галсами, либо вот этак, напрямки, либо вот так, с тыла. Обходным маневром. Но ты здесь понемножку, ориентировочно, подбираешься, подбираешься, подходишь, подкрадываешься к этому сокровищу.*
>
> *А город... Вот если я смотрю фильм, и при этом знаю его финал... Можно уже и не смотреть. Так же и в городе — все ясно и понятно.*
>
> *Наши знакомые, которые тоже переехали из города и занимаются в деревне своим делом, чем-то отличаются от нас, но это не различие, принципиальное. Просто каждый из них идет своей дорогой. И периодически мы пересекаемся. Люди приходят в нашу жизнь, некоторое время побудут в ней, а потом уходят. И каждый из них идет своим делом заниматься. Мы с упоением с ними общаемся, делимся опытом, смотрим, кто чего достиг. А потом они уезжают в свою деревню.*
>
> *И у нас здесь скуки нет. Скука в городе, вся, целиком. А здесь нам не скучно. Нам просто некогда. Потому что много всяких*

*идей, всяких мечтаний и хотелок...»* (Белгородская область, Яковлевский район, 49 лет, 2019).

*«И я хочу здесь, на своей земле, такого рода программу запустить. Здесь будет лагерь разбит, будут жить ребята по десять дней... Я их буду обучать навыкам поведения в лесу — что такое лес, как с ним взаимодействовать, как укрыться, как развести костер... И кроме этой программы мы будем приучать детей к сельскому хозяйству. Будем водить их на экскурсии к нашим друзьям-фермерам... На теплицу, на пчельник, на кроликов и бычков... На полбу — археологическую древнюю пшеницу.*

*Но это на первое время. А в будущем мы планируем на своей усадьбе сделать сельскохозяйственную практику — посадка, прополка, косьба, уход за животными, сбор урожая. В зависимости от времени года, от сезона. Игровой блок — обязательно! Народные русские игры, позабытые из-за городской жизни. Лапта, городки, клёк, штандер, вышибалы и прочее...*

*Надо сказать, что я сейчас очень пересмотрел свою прошлую деятельность. Я около двадцати лет занимался большей частью спортивной работой с детьми. А вот сейчас хочу научить ребят понимать мир, себя в этом мире, научиться взаимодействовать в этом мире. Это уже не телесная механика, а что-то совсем иное. Разобраться, почему люди поссорились, почему законфликтовали... А можно ли этот конфликт разрулить, можно ли сделать по-другому?*

*У меня взрослый сын в Москве работает — психолог. Я его зову сюда переехать, у него двое детишек. Тут есть для него поле деятельности, земля наша, дом наш. Есть где развернуться...»* (Белгородская область, Яковлевский район, 52 года, 2019).

Одним из интересных и очень актуальных начинаний горожан в деревне являются детские лагеря для отдыха и обучения, причем внесезонные. Современные дети не хотят проводить свои каникулы в скучных, огромных «лагерях-резервациях», представляющих собой «кальку» с советских пионерских лагерей. Они одним прикосновением к экрану какого-нибудь гаджета мгновенно оказываются в любой виртуальной реальности, поэтому их трудно чем-либо удивить или заинтересовать. А вот если опытный и грамотный педагог-наставник на природе, почти в семейной обстановке, будет учить «*ребят понимать мир, себя в этом мире, научиться взаимодействовать в этом мире*», в реальном, а не виртуальном, это для городских детей может стать настоящим открытием, прежде всего *себя*.

Вместе с тем деревня учит бывших горожан ценить незабываемые каждодневные ощущения, даром предоставляемые им природным *пейзажем*, сельским миром, которые невозможно купить ни за какие деньги в городе. Поэтому к сельским жи-

телям, соблазненным *сиянием огней* большого города, решившимся на переезд туда, они испытывают искреннее сочувствие и жалость.

> *«И действительно, люди мимо идут, здороваются, все такие приветливые. И мне это было настолько по душе, что я здесь попала в свой желанный мир. А закаты здесь какие?! Вот, мы специально на бровке лавочки поставили, чтоб эту красоту наблюдать. Закат не повторяется никогда, каждый раз что-то новое. Я здесь с 2006 года живу, и всегда наблюдаю закаты — по цвету, по фигуре. Солнце здесь падает за горизонт особым образом — оно сперва подскакивает, а потом проваливается. Я первое время прямо визжала от удовольствия. Просто не передать это ощущение»* (Краснодарский край, Каневской район, 56 лет, 2019).

> *«Вот городские видят рекламу домика в деревне, чистенькую благородную старушку в передничке, сметану горкой в глиняной гладкой миске. И умиляются... А местные, наоборот, видят, как сияют огни Москвы, как люди гуляют в модных одеждах и в белых кроссовках, как летают разноцветные салюты над водой... А потом они едут в город и не сразу понимают, в какую они в общем-то кабалу попадают. Да, конечно, зарплата высокая. Если здесь зарплата 10 тысяч, то в городе она минимум 50. Но эти 50 тысяч быстренько уходят на дорогу, на красивый костюмчик и на красивые туфельки, в которых надо прийти на совещание, на прическу. Приготовить покушать ты уже не успеваешь, надо идти в кафе, а это дорого. Этот безумный стресс, который ты получаешь на работе, надо как-то сбросить, и ты идешь в фитнес-клуб... Фактически эти деньги быстро улетают на оплату этого самого города, его среды обитания. И получается, что жить в городе сейчас, в сущности, бессмысленно. Вот почему мы приняли такое решение — переехать на жительство в село? Потому что те деньги, которые зарабатывались там, они не давали ничего дополнительно. Мне не удавалось ничего скопить. И я поняла бессмысленность такого существования, такого круговорота. А здесь у меня — свежий воздух, бесплатный фитнес, свежие продукты, которые ты в Москве даже за деньги не купишь»* (Краснодарский край, Каневской район, 42 года, 2019).

Итак, от-чего горожане едут в деревню? От нужды по настоящему *одиночеству*, недоступному в городе из-за *изоляции* человека от самого себя. Город своей «телесной механикой» не только изолирует человека от мира, но и разрушает его изнутри созданием разного рода суррогатов и эффективных систем, превращающих его в один из своих узкоспециализированных видов. Городская

жизнь оказывается автоматическим организационно-технологическим предприятием, в будущем эффективном пределе которого уже сегодня просматриваются самоорганизующиеся в обменно-информационную систему специализированные виды разного рода «беспилотников», не нуждающихся в человеке даже в качестве «пассажира». Поэтому феномен, который *кажет* себя за таким рядовым и рациональным явлением, как переезд горожан на постоянное местожительство в деревню, важен для понимания эволюции жизненных практик и сельской, и городской подсистем общества.

## Библиография

*Звягинцев В.И., Неуважаева М.А.* (2015). Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. 24(1). С. 101–135. URL: https://mirros.hse.ru/article/view/4945/5310 (дата обращения 05.08.2019).

Потенциал (2015) организованной внутренней миграции «город-село» в России. Стимулы и барьеры к коллективному переселению граждан на пустующие территории: Итоговый аналитический отчет по результатам исследования. Исследовательская группа ЦИРКОН. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/9cc/Migration_city-country_Final_reportp2015t.pdf (дата обращения 05.08.2019).

*Сафрански Р.* (2005). Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т.А. Баскаковой. М.: Молодая гвардия.

*Хайдеггер М.* (2011). Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект.

*Хайдеггер М.* (2008). Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции? // Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический Проект. С. 368–371.

*Baseel C.* (2018). One in four young people in Japan's biggest cities thinking of moving to countryside. SoiraNews24. URL: https://japantoday.com/category/features/lifestyle/one-in-four-young-people-in-japan%E2%80%99s-biggest-cities-thinking-of-moving-to-countryside (дата обращения 06.08.2019).

*Blasiak R.* (2012). Return to rural communities: Resilience over efficiency / United Nations University. URL: https://unu.edu/publications/articles/return-to-rural-communities-resilience-over-efficiency.html (дата обращения 06.08.2019).

*Heidegger M.* (1983). Schöpferische Landschaft: Warum bleiben wir in der Provinz? (1933) // *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Bd. 13. Vittorio Klostermann. Frankfurt a. M. S. 9-13.

*Moody A., Lan L.* (2010). Focusing on future urbanization. China Daily Information Co. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2010-03/22/content_9621374.htm (дата обращения 21.08.2019).

The 150 Largest Cities In The World (2019). WorldAtlas. URL: https://www.worldatlas.com/citypops.htm (дата обращения 12.08.2019).

Tokyo, the City with the World's Largest Population Density: 18 Times Japan?! (2018). LIVE JAPAN. URL: https://livejapan.com/en/article-a0002533/ (дата обращения 12.08.2019).

## Why and from what townspeople move to the village: Phenomenology and practice

*Olga Ya. Vinogradskaya*, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

The article considers reasons that determine the very possibility of the townspeople moving to the village for permanent residence. The non-standard grammatical form of the question in the title in Russian stresses the double context of the Russian word "why — from what": on the one hand, it is a pronoun with a preposition (from what) indicating a certain phenomenon; on the other hand, it is an interrogative pronoun (why), a synonym of the adverb "wherefore" asking about reasons for moving to the village. In recent decades, the scale and speed of the civilizational development have changed the functionality of the place of residence, which makes the researchers reconsider their previous approaches to the study of the reasons of migration from the city to the countryside. However, in contemporary sociological works, both Russian and Western, little attention is paid to the issue of the townspeople moving to permanent residence in the countryside, as compared to the studies of the reverse process — the migration of villagers to the city. Based on the analysis of the interviews data, the article focuses on the reasons that determine the possible and necessary decisions of the townspeople to choose a new place of residence under the current conditions of everyday rural life. The author emphasizes that such reasons, which explain a seemingly ordinary and rational fact of the townspeople moving to the village for permanent residence, help to understand the evolution of life practices in both rural and urban social systems.

*Keywords*: townspeople, village, former townspeople, villagers, migration, everyday practices, rural world, phenomenon, fact

### References

Zvyagintsev V.I., Neuvazhaeva M.A. (2015) Pereselentsy iz goroda v selskuyu mestnost: fenomen "obratnoj migratsii" v sovremennoj Rossii [Migrants from the city to the countryside: The "reverse migration" phenomenon in contemporary Russia]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 101-135.

Potentsial organizovannoj vnutrennej migratsii "gorod-selo" v Rossii. Stimuly i bariery k kollektivnomu pereseleniyu grazhdan na pustuyushchie territorii: Itogovy analiticheskyotchet po rezultatam issledovaniya (2015) [The potential of the organized urban-rural migration in Russia. Incentives and barriers to the collective migrations of citizens to empty territories: Final analytical research report]. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/9cc/Migration_city-country_Final_reportp2015t.pdf.

Safranski R. (2005) *Heidegger: germansky master i ego vremya* [*Heidegger:* German Master and His Time]. Per. s nem. T.A. Baskakovoj, Moscow: Molodaya gvardiya.

Heidegger M. (2011) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Per. s nem. V.V. Bibikhina, Moscow: Akademichesky Proekt.

Heidegger M. (2008) Tvorchesky landshaft: Pochemu my ostaemsya v provintsii? [Creative landscape: Why do we stay in the provinces?] *Istok khudozhestvennogo tvoreniya.* Per. s nem. A.V. Mihajlova, Moscow: Akademichesky Proekt, pp. 368-371.

Baseel C. (2018) One in four young people in Japan's biggest cities thinking of moving to countryside. *SoiraNews24*. URL: https://japantoday.com/category/features/lifestyle/one-in-four-young-people-in-japan%E2%80%99s-biggest-cities-thinking-of-moving-to-countryside.

Blasiak R. (2012) Return to rural communities: Resilience over efficiency. URL: https://unu.edu/publications/articles/return-to-rural-communities-resilience-over-efficiency.html.

Heidegger M. (1983) Schöpferische Landschaft: Warum bleiben wir in der Provinz? *Gesamtausgabe,* Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann, pp. 9-13.
Moody A., Lan L. (2010) Focusing on future urbanization. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2010-03/22/content_9621374.htm.
The 150 Largest Cities in The World (2019). URL: https://www.worldatlas.com/citypops.htm.
Tokyo, the City with the World's Largest Population Density: 18 Times Japan?! (2018). URL: https://livejapan.com/en/article-a0002533.